

«Все потрясения
и сюрпризы лучшего
true-crime».

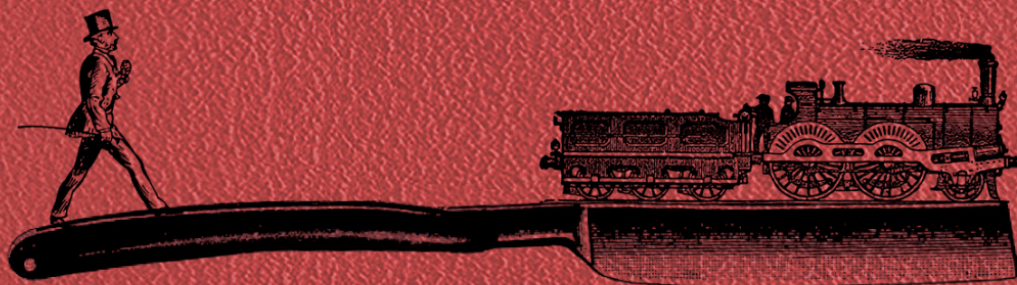
THE TIMES CRIME CLUB

«Множество подозреваемых,
невероятные версии
и жаркие споры в суде».

Алёна Ленковская,
уголовный юрист

Убийство на Вокзале

СЕНСАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ
РАСКРЫТИЯ ОДНОГО
ИЗ САМЫХ СЛОЖНЫХ
ДЕЛ 19 ВЕКА

ТОМАС МОРРИС

медицинский журналист,
автор бестселлера «Безумная медицина»

Respectus. Путешествие к современной медицине

Томас Моррис

**Убийство на вокзале.
Сенсационная история
раскрытия одного из
самых сложных дел 19 века**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Моррис Т.

Убийство на вокзале. Сенсационная история раскрытия одного из самых сложных дел 19 века / Т. Моррис — «Эксмо», 2021 — (Respectus. Путешествие к современной медицине)

ISBN 978-5-04-204852-4

Эта книга полностью основана на реальных событиях, хотя и похожа на роман, сравнимый с произведениями Конан Дойля и Агаты Кристи! В ноябре 1856 года жители Дублина были шокированы новостью о жестоком убийстве, совершенном на городском железнодорожном вокзале. Джорджа Литтла, главного кассира вокзала, нашли мертвым на рабочем месте. Он лежал у письменного стола в огромной луже крови. Литтла избили настолько жестоко, что его голова чуть не оторвалась. Орудия убийства поблизости не было, и кабинет был закрыт изнутри. Тысячи фунтов стерлингов, которые находились в кассе на момент убийства, остались нетронутыми, следовательно, мотивом преступления было не ограбление. - Почему убийца не забрал деньги? - Зачем убивать скромного и тихого клерка? - Как раскрыть преступление, если нет улик? Расследованием дела занялись самый опытный детектив Ирландии и ведущий юрист Дублина, однако обстоятельства убийства были настолько загадочными, что они так и не смогли его раскрыть. Неожиданные повороты дела в подробностях освещались прессой и держали жителей Ирландии в напряжении. - Кто же убил Джорджа Литтла? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-204852-4

© Моррис Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Примечание автора	7
Список персонажей	9
Часть 1	12
1	12
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Томас Моррис
Убийство на вокзале. Сенсационная
история раскрытия одного из
самых сложных дел 19 века

Respectus. Путешествие к современной медицине

Томас Моррис
медицинский журналист,
автор бестселлера «Безумная медицина»

The Dublin Railway Murder: The sensational true story of a Victorian murder mystery by
Thomas Morris

Copyright © Thomas Morris, 2021

This edition published by arrangement with PEW Literary Agency Limited and Synopsis
Literary Agency

В оформлении обложки использованы элементы дизайна:

Kolonko / Shutterstock / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Примечание автора

В ноябре 1856 года жители Дублина были потрясены известием о жестоком убийстве на Бродстонском вокзале – преступлении, не имевшем аналогов в новейшей истории ирландской столицы. Последовавшее за этим полицейское расследование оказалось самым сложным и запутанным из всех, когда-либо проводившихся дублинскими детективами, а его многочисленные повороты поразили воображение общественности. Прошло семь месяцев, прежде чем главный подозреваемый был арестован, что вылилось в сенсационный судебный процесс, за которым с нетерпением следили читатели газет по обе стороны Ирландского моря.

Убийство в Бродстоне, как его стали называть, было особенно громким преступлением в эпоху, когда их так любили посмаковать. Имена как жертвы, так и убийцы оказались у всех на слуху, а итог судебного разбирательства прогремел на всю страну. Столь большой интерес общественности привел к тому, что газеты соревновались в освещении даже самого незначительного события в расследовании и отправляли репортеров стенографировать каждое судебное заседание. По этим записям можно восстановить многое из произошедшего, однако еще большую ценность представляют собой сохранившиеся правительственные документы по этому делу. Досье 160-летней давности, хранящееся в Национальном архиве Ирландии, содержит более трехсот страниц полицейских допросов, протоколов и служебных записок, переписку между детективами, министрами и адвокатами, и даже письма главного подозреваемого, написанные им из тюремной камеры. В итоге получилась необычайно полная картина расследования убийства в Викторианскую эпоху, включающая многие детали, которые в то время намеренно скрывались от общественности.

В этой книге использованы все вышеперечисленные источники, а также материалы из брошюры, опубликованной в 1858 году в частном порядке френологом¹ Фредериком Бриджсом, который в течение нескольких недель подробно опрашивал главного подозреваемого. Все события, описанные на последующих страницах, воссозданы на основе показаний свидетелей и других данных, полученных из первых рук. Все персонажи, названные по именам, – реальные люди, а биографические подробности, даже самые незначительные, – подлинные. В том числе и диалоги (за двумя важными исключениями). В стенограммах полицейских допросов и судебных заседаний вопросы, задаваемые детективами или адвокатами, обычно опускаются, и я реконструировал их на основе полученных ответов. В одном или двух случаях я позволил себе построить беседу на основе изначально записанных на бумаге показаний, однако в каждом случае использовал подлинные слова собеседников.

---

¹ Френология – это лженаука, которая утверждает, что каждому психическому расстройству соответствует конкретный участок мозга, где оно локализуется. И якобы по впадинам или выпуклостям на черепе человека можно определить, в каком участке мозга может развиваться конкретное расстройство. Конечно, сегодня мы знаем, что психические расстройства никак не связаны с поверхностью мозга и строением черепа. Точно такой же лженаукой является физиогномика, в основе которой лежит ошибочное суждение о том, что по внешности человека можно определить его характер и даже склонность к совершению преступлений. Разумеется, никакого отношения к реальности и доказательной базе это не имеет. – *Прим. Алёны Ленковской*

Список персонажей

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА И СОТРУДНИКИ ЗАПАДНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ MIDLAND GREAT WESTERN RAILWAY

Джордж Литтл, бухгалтер-кассир

Фрэнсис Литтл, его мать

Кейт Мортон, его сестра

Уильям Чемберлен, помощник Джорджа Литтла

Уильям Макколи, носильщик денег

Томас Мур, посыльный

Энн Ганнинг, экономка

Бернард Ганнинг, заместитель кладовщика

Кэтрин Кэмпбелл, их служанка

Патрик Хэнбери, начальник станции

Миссис Хэнбери, супруга начальника станции

Мэри Митчелл, их служанка

Джон Эннис, председатель совета директоров

Генри Бозир, управляющий компании

Перси Ньюджент, один из директоров компании

Томас Беннетт, помощник Генри Бозира

Джозеф Кэбри, главный инженер

Патрик Моан, руководитель инженерного отдела

Уолтер Кирван, адвокат компании

Джозеф Голдсмит, помощник адвоката

Генри Торнтон, помощник адвоката

Майкл Лински, помощник адвоката

Мистер Кирни, помощник адвоката

Ричард Рассел, старший ревизор

Джон Джолли, ревизор

Роберт Фэйр, ревизор

Исаак Кристиан, ревизор, также исполняющий обязанности кассира

Джордж Бернс, ревизор

Джон Лэнди, ревизор

Джеймс Келли, ревизор

Арчибальд Мур, начальник отдела переводов

Джон Генри Мур, его сын, бывший ревизор

Джордж Грин, сотрудник отдела переводов

Джеймс Мейджи, сотрудник отдела переводов

Генри Осборн, кладовщик

Уильям Миллар, помощник кладовщика

Джеймс Брофи, мастер вагонного цеха
Томас Обирн, мастер малярного цеха
Джеймс Споллин, маляр
Мэри Споллин, его жена
Джеймс, Джозеф, Люси и Джордж Споллин, их дети

Суперинтендант Ходженс, железнодорожная полиция
Сержант Коллинз, железнодорожная полиция

СОТРУДНИКИ СТОЛИЧНОЙ ПОЛИЦИИ ДУБЛИНА

Джон Мор О'Ферралл, комиссар
Полковник Джордж Браун, комиссар
Август Гай, суперинтендант, отдел С
Джозеф Финнамор, суперинтендант, отдел G
Детектив-инспектор Дэниел Райан
Детектив-сержант Крейвен
Детектив-сержант Мерфи
Детектив-констебль Джеймс Мирес
Детектив-констебль Джеймс Доннелли

Джон Уорд, сержант, отдел С
Абрахам Хобсон, констебль, отдел С

Джозеф О'Доннелл, полицейский судья
Фрэнк Торп Портер, полицейский судья

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ И СУДЕБНЫЕ ЧИНЫ

Эдвард Хорсман, генеральный секретарь по делам Ирландии
Подполковник Томас Эскью Ларком, заместитель генерального секретаря
Джон Фицджеральд, Генеральный прокурор Ирландии
Джонатан Кристиан, заместитель генерального прокурора Ирландии
Томас Кеммис, королевский адвокат от Лейнстера
Уильям Кеммис, королевский адвокат от Дублина
Джон Эллиотт Хайндман, коронер Дублина
Томас Ланглуа Лефрой, лорд главный судья Ирландии
Джеймс Генри Монахан, главный судья гражданского суда
Джеральд Фицгиббон, барристер обвинения
Абрахам Брюстер, барристер обвинения
Джон Эдье Курран, барристер защиты
Уильям Сидни, барристер защиты
Чарльз Фицджеральд, адвокат Споллина

Доктор Баркер, врач
Доктор Венсли Дженнингс, врач
Джордж Портер, хирург
Доктор Томас Грейс Гейган, профессор криминалистики

Патрик и Кэтрин Каллен, «подозреваемые из Стоунибаттера»

Джон Халлиган, слуга, донесший на них в полицию

Фредерик Бриджес, френолог

Ханна Бриджес, его жена

Мистер Томас, владелец паба Auld Lang Syne

Часть 1 Убийство

1

Четверг, 13 ноября 1856 года

На всякий случай: под «станцией» подразумевается вся территория в Бродстоне, районе Дублина, принадлежащая железнодорожной компании, в то время как Бродстонский вокзал – это главное здание станции с платформами, билетными кассами, кабинетами служащих и даже апартаментами для постоянного проживания.

Почтовый поезд должен был отправиться из Голуэя ровно в полночь, однако в очередной раз задерживалась доставка из главного почтового управления. Локомотив Midland Great Western спокойно стоял у платформы, где, выдыхая клубы пара в прохладный ноябрьский воздух, в открытой кабине беседовали машинист и пожарный. Мистер Уэйнрайт, начальник станции, нетерпеливо расхаживал по платформе. Отправление ночного поезда было последней и самой важной его обязанностью, и он был возмущен тем, что не может уйти домой. К сожалению, задержки уже никого не удивляли. Почта Голуэя была печально известна своей неэффективностью, и городские власти публично отчитывали почтмейстера за его лень, но без какого-либо заметного результата.

Через несколько минут после того, как часы пробили полночь, почтовая тележка наконец с грохотом въехала на станцию. Пока мешки затаскивали в товарный вагон без окон, мистер Уэйнрайт дважды проверил замки прочного металлического сейфа, доверенного ему вечером кассиром станции. Убедившись, что они надежно заперты, он передал его охраннику. Ключей от этого сейфа было всего два: один – на цепочке, звеневшей в его кармане, другой – в головном офисе компании в Дублине. В сейфе хранилась выручка за день, полученная в кассе, – более 100 фунтов стерлингов в золоте и серебре, что в 5–6 раз превышало средний годовой заработок обычного фермера. Охранник выписал квитанцию и спрятал сейф с деньгами в угол тормозного вагона, последнего в составе.

Погрузка была завершена, пришла пора отправляться в путь. Охранник вышел на платформу, бегло осмотрел товарный вагон и дал сигнал свистком, а затем приветливо кивнул мистеру Уэйнрайту, и, когда его вагон проезжал мимо, запрыгнул в него. Пять с половиной часов до Дублина охранник ехал в небольшом деревянном вагончике, в стенах которого были проделаны отверстия, чтобы он мог наблюдать за остальным составом. В вагоне имелаась печка, топившаяся углем, однако она не справлялась с ледяным североатлантическим ветром, нещадно хлеставшим в незастекленные окна. Открывавшийся пейзаж также не компенсировал дискомфорт. В это время суток далекие горы графства Клэр были окутаны мраком, а в заливе Голуэй виднелся лишь ровный свет маяка на острове Маттон, расположенном в миле от берега.

Линия Голуэй – Дублин пересекала Ирландию в восточном направлении от побережья до побережья, от Северной Атлантики до Ирландского моря, однако большую часть своего

пути общей протяженностью 125 миль железная дорога проходила по самой унылой местности, которую только мог предложить знаменитый своей красотой остров. Железная дорога была проложена главным образом через обширные болота, покрывающие центральные районы страны, – равнинную и безликую пустошь, состоящую из торфа и стоячей воды. Изредка поезд выныривал из этой безжизненной пустыни на зеленые фермерские угодья, однако ни о какой сельской идиллии не могло быть и речи. То, что когда-то было роскошным пастбищем, теперь заросло чертополохом; овес и ячмень, выращенные прошлым летом, гнили на полях, захлебнувшись пылью и амброзией. Хуже же всего было то, что эти плодородные сельскохозяйственные земли были заброшены. Можно было проехать несколько миль, не встретив ни одного работающего на полях человека; повсюду стояли оставленные дома без крыш и окон, чьи двери давно были сорваны с петель и использованы в качестве топлива.

Локомотив несся сквозь ночь со скоростью 20 миль в час, и охранник не без основания радовался тому, что убогий пейзаж остается вне его поля зрения. Десятилетие назад, в середине 1840-х годов, эти поля были эпицентром Великого голода – новая вирусная болезнь уничтожила урожай картофеля и оставила бесчисленное множество людей в нищете. Каждый пустующий дом был напоминанием о съехавшей или погибшей семье. Многие, не имея возможности платить за аренду, были выселены местным землевладельцем и теперь жили в убогих глинобитных хижинах на болоте, а их дети бегали босиком по склизкой грязи. Другие уезжали, чтобы попытаться счастья в трущобах Дублина, или присоединялись к массовому переселению в Америку. За несколько лет миллион человек эмигрировал, а еще миллион скончался от голода и болезней. Четверть населения Ирландии погибла или была изгнана с ее берегов в результате величайшей катастрофы, которую когда-либо знал остров.

Мало где шрамы этого бедствия проявились так явно, как в Атенри, второй из пятнадцати остановок на линии. В одном из туристических путеводителей город, считающийся старейшим в графстве Голуэй, даже был назван «вершиной человеческой беды». На месте развалин величественных аристократических домов и старинных монастырей выросли жалкие лачуги – проявление ужасной нищеты современной Ирландии, уживающееся с излишествами ее прошлого.

Баллинасло, Атлон, Моат – большие или маленькие, в ранние часы эти места были практически неотличимы друг от друга: добротное здание станции и небольшой пяточок платформы, освещенный масляными фонарями. По мере того как почтовый поезд продолжал свое величественное движение на восток, багажный вагон становился все тяжелее, а груда сейфов с деньгами в вагоне охранника – все больше. В Муллингаре, через 3 часа пути, его ждала целая стопка переносных сейфов, и ему пришлось несколько раз переходить с платформы в вагон, чтобы уложить их.

Покидая город, железная дорога шла вдоль русла Королевского канала, 90-мильного водного пути, с огромными затратами построенного между Дублином и Лимериком за полвека до этого. При основании компании Midland Great Western в 1845 году ее руководители приобрели канал, намереваясь засыпать его и проложить по его трупу железную дорогу, однако приговор смягчили: железная дорога была проложена *рядом* с каналом в надежде на то, что водный путь принесет желанный дополнительный доход. На деле это оказалось проявлением глупого оптимизма. Пассажирский трафик по каналу сократился в 5 раз практически за ночь, а баржи, перевозившие коров и торф, стали еще большей редкостью. На протяжении пятидесяти с лишним миль между Маллинггаром и Дублином канал и железная дорога шли параллельно: новичок бок о бок с отслужившим свое кузеном.

Киллукан, Энфилд, Килкок, Мейноут – каждые 20 минут очередной город или деревня прерывали движение поезда через унылые участки, как описал их один из приезжих писателей, Алленского болота – четверть миллиона акров грязно-серого торфа. Словно желая позаботиться о том, чтобы уставшим пассажирам не грозил сон, поезд загрохотал. Линия Голуэй – Дублин на протяжении большей части своего пути проходила по идеальной прямой, однако на

подходе к столице делала несколько экстравагантных поворотов. Охранника трясло, а содержимое касс железнодорожной компании – на тот момент уже несколько сотен фунтов – звенело, словно мешок с бубнами. В деревне Лукан он принял последний, двадцать восьмой сейф с выручкой – Дублин был уже совсем рядом. Состав выехал из длинной выемки² Клонсилла и замедлил ход, проезжая мимо парка Феникс и зоологического сада в миле к югу. Недавно зоопарк обзавелся парой львов, и в ясную ночь иногда слышался отдаленный рев одного из доходных гвоздей программы.

Было почти полшестого утра, когда почтовый поезд наконец-то въехал под внушительную стеклянную крышу Бродстонского вокзала.

Рабочий день охранника близился к концу. Оставалось только проконтролировать, как носильщики разгружают мешки с почтой, сдать сейфы с деньгами начальнику станции мистеру Хэнбери, а затем начать свой утомительный путь домой.

За пределами освещенной газом станции большая часть Дублина еще спала. Несколько сонных подмастерьев снимали ставни с фасадов своих магазинов. То тут, то там проходил полицейский, высматривая мелких преступников, которыми столица кишела после голодных лет. Было чуть больше восьми утра, когда Джордж Литтл, кассир железнодорожной компании Midland Great Western Railway Company, вышел из дома № 58 по Ватерлоо-роуд и направился на работу на Бродстонский вокзал. Джордж жил в элегантном домике на широкой улице в южной части Дублина. Двухэтажный, с подвалом, он был ненамного больше некоторых рабочих хибар в менее благополучных районах города, однако высокие потолки и затейливое окно над входной дверью свидетельствовали о том, что это жилье предназначено для людей более высокого класса. Каждый дом был отделен от дороги большим палисадником, а сзади – еще большим. Несмотря на удаленность от центра города, это было привлекательное место для жизни. Среди соседей мистера Литтла числились судьи и банкиры, хирурги и государственные служащие – одни из самых успешных профессионалов города.

Несмотря на такое благополучное окружение, Джордж Литтл был далеко не богат. Он делил дом со своей сестрой Кейт, их престарелой матерью и тетей, у которой было слабое здоровье. Отец Джорджа, преуспевающий адвокат, внезапно умер, когда Джорджу было 15 лет. Его мать Фрэнсис овдовела в возрасте 32 лет, имея на руках четверых детей и ни единого источника дохода. Она самоотверженно решила, что их скромные сбережения должны пойти на образование старшего сына. Джордж несколько лет проучился в Тринити-колледже, однако был вынужден уйти оттуда, когда их средства закончились, так и не получив диплома. Лишившись надежды выучиться на какую-либо профессию, он стал клерком и в одиночку содержал семью на свою скудную зарплату до тех пор, пока его младший брат Джеймс не стал достаточно взрослым, чтобы сделать свой вклад.

По крайней мере, так было задумано. Кейт вышла замуж за врача и переехала за сорок миль в деревню, но уже через несколько недель вернулась в Дублин вдовой – ее муж скоропостижно скончался от лихорадки. Младшая сестра Фанни встретила англичанина и поселилась с ним в Чeshire. А брат Джорджа Джеймс, инженер, объявил о своей эмиграции в Канаду. Это решение было вполне объяснимо, поскольку в Ирландии, все еще переживавшей последствия Великого голода, перспективы трудоустройства были невелики. Только вот для остальных членов семьи, рассчитывавших на его помощь в облегчении тяжелого финансового положения, это был серьезный удар. Джорджу Литтлу на тот момент было 42 года, он не был женат и являлся единственным кормильцем семьи из четырех человек: его самого и трех неимущих вдов.

---

² Выемка – это заглубленное линейное сооружение, построенное на трассе железной дороги посредством изъятия грунта.
– Прим. ред.

Подобная ответственность тяготила его, и он нашел утешение в религии. Воспитанный протестантом Ирландской церкви, в 30 лет он вступил в евангелическую секту «Исключительные братья» – неконформистскую группу, недавно основанную в городе. Суровый подход Братства к личной морали наложил свой отпечаток: он был набожен, сдержан и обладал сильным чувством личного долга. Один из коллег назвал его человеком мрачного склада ума, но это было явным преувеличением; он не был пессимистом, хоть и относился к жизни с напряженной серьезностью, не оставлявшей места для легкомыслия. У Джорджа было мало близких друзей, но его любили. Он был тихим, вежливым и приветливым человеком, который избегал конфликтов.

В 1850-х годах дом Литтлов на Ватерлоо-роуд находился на самой окраине города, где современная застройка южного Дублина заканчивалась и уступала место лесам и полям. Кабинет Джорджа был расположен на севере, в трех милях от дома, и на работу он добирался за 45 минут пешком через центр города. Его путь пролегал через Гранд-канал и георгианское великолепие Сант-Стивенс-Грин – шестьдесятю годами ранее здесь проводились публичные казни, а теперь это был самый большой и красивый сквер в Европе. Оттуда он повернул на север и прошел мимо Дублинского замка, который тогда и на протяжении последних семи веков был резиденцией и символом британской власти в Ирландии. По дороге он думал о предстоящем дне. Он часто задерживался на работе, однако накануне были сданы недельные отчеты, и он не видел причин, по которым не мог быть дома к ужину.

В сумке лежал бумажный пакет с несколькими кусочками хлеба с маслом на обед; сестра предложила сделать ему бутерброд с курицей, но он сказал ей, что ничего существенного ему не нужно.

«Я вернусь пораньше», – сказал он, выходя из дома.

Перейдя по мосту через реку Лиффи, Джордж скорчил гримасу и прижал к лицу носовой платок. Вонь неочищенных сточных вод была просто невыносимой. Под мостом, стоя по колено в реке, группа рабочих выгребала на баржу мерзкую смесь грязи и человеческих испражнений. Несчастливым жителям Темпл-Бара приходилось мириться с этим ужасным запахом 8 часов в сутки, однако после многомесячных дебатов члены муниципального совета так и не смогли прийти к решению этой проблемы.

Джордж поспешил прочь от этого дурмана и очутился посреди рыночного гама Кейп-стрит с ее великолепным многообразием зонтичных мастеров, ломбардов, галантерейщиков и торговцев семенами. Эти предприятия и расположенные поблизости продуктовые рынки привлекали самых проворных дублинских «строкеров» – профессиональных карманников, чьему таланту к «исчезновению» часов или кошельков позавидовал бы любой фокусник.

По мере удаления Джорджа Литтла от центра города ему начинали попадаться улицы уже другого рода. Магазины уступали место большим зданиям учреждений, в которых сидели адвокаты, врачи и заключенные. Это была густонаселенная часть мегаполиса, однако мало кто из жителей называл ее своим домом; более того, почти никто не жил здесь по своей воле. Люди могли попасть сюда, потому что были больны и нуждались в лечении в одной из трех больниц на Брунсвик-стрит, или потому, что были нищими и попадали в рабочий дом на Конститушен-хилл, или же потому, что их признали сумасшедшими и поместили в Ричмондский приют для умалишенных. Многие из тех, мимо кого Джордж проходил каждое утро, были здесь путешественниками, направлявшимися в Голуэй, Белфаст или Лондон и, возможно, остановившимися в одной из гостиниц, появившихся для обслуживания проезжих.

Этот район, Бродстон, был воротами Дублина в западную Ирландию. Королевский канал заканчивался здесь широкой гаванью, куда баржи уже почти полвека привозили товары, скот и людей. По каналу все еще ходило несколько судов, однако для большинства людей название «Бродстон» теперь стойко ассоциировалось с железной дорогой. В конце концов, не имело

смысла тратить 4 шиллинга на неудобное 8-часовое путешествие на лодке со смешным названием до Маллингара, когда поезд преодолевал эти 52 мили в 4 раза быстрее, а проезд стоил всего на 6 пенсов больше.

Директора железнодорожной компании Midland Great Western хотели, чтобы их новая штаб-квартира выглядела впечатляюще, и архитектор, безусловно, справился с поставленной задачей. Бродстонский вокзал был построен на самом высоком месте в окрестностях, так что при подъеме на холм Конституции мощный гранитный фасад вокзала вырисовывался на горизонте, полностью доминируя над окружающей средой. Это было двухэтажное здание, своими пропорциями и дымовыми трубами напоминавшее величественный городской дом эпохи Регентства. Однако первым, на что обращали внимание посетители, был колоссальный дверной проем по центру здания, над которым возвышалось каменное лицо с безучастным выражением – вход, достойный какого-нибудь древнего памятника. После наступления темноты можно было представить, как тяжелые двойные двери медленно распахиваются, чтобы впустить освещенную факелами процессию священников. Для путешественников, опасющихся железнодорожного транспорта, высоких скоростей и несчастных случаев со смертельным исходом, о которых так часто писали газеты, монументальный вид Бродстонского вокзала служил некоторым успокоением.

День выдался на редкость холодным, однако Джордж, переходя по понтонному мосту через канал на привокзальную площадь, уже не замечал этого. Последние пассажиры утреннего поезда как раз покидали вокзал. Внутри располагался билетный зал – гулкий каменный атриум, который своими дорическими колоннами и массивными притолоками напоминал нечто среднее между греческим храмом и египетской усыпальницей. Кованая железная галерея опоясывала помещение на уровне второго этажа, а сверху, сквозь стеклянный купол, установленный в крыше, проникал дневной свет. Джордж пересек зал и прошел через второй дверной проем, ведущий к платформам, но вместо того, чтобы повернуть направо к поездам, поднялся по вычурной железной лестнице на второй этаж. В этой части здания располагалась так называемая Дирекция, в которой размещались кабинеты и работал административный персонал железнодорожной компании Midland Great Western.

Джордж Литтл получил должность сотрудника отдела переводов в 1853 году, через 3 года после открытия станции. В компании существовала жесткая иерархия, и обычный работник медленно и с большим трудом продвигался по служебной лестнице. Начальство, однако, вскоре обратило внимание на хладнокровное трудолюбие Джорджа и оценило его придирчивый, даже педантичный подход к работе. За полгода до этого, в мае 1856 года, он стал бухгалтером-кассиром, обойдя 60 других кандидатов. Эта должность не отличалась каким-то высоким статусом, однако была сопряжена с серьезной ответственностью. Еженедельно через его кабинет проходили тысячи фунтов стерлингов наличными, что составляло большую часть доходов компании. Назначение Джорджа было знаком того, что начальство ему безоговорочно доверяло.

На верхней площадке лестницы Джордж повернул направо, дошел до конца коридора и открыл последнюю дверь справа. Кабинет кассира занимал угол здания. Несмотря на свой небольшой размер, он хорошо проветривался и освещался благодаря окнам по обе стороны. В нескольких метрах от двери находилась массивная деревянная стойка с перилами, как в крупных банках, разделявшая помещение на две части. В середине стойки на уровне плеч находился небольшой проем, через который можно было передать деньги или документы, а под этим проемом – дверца по типу калитки, через которую можно было попасть в личное святилище кассира. Ее установили недавно; когда Джордж вступил в эту должность шесть месяцами ранее, уровень безопасности был настолько слабым, что любой посторонний человек мог запросто войти и набрать себе денег, которые кучами лежали на столе. Потребовались определенные усилия, чтобы убедить директоров компании в неприемлемости такой ситуации, и в

конце концов они сдались – пригласили плотника из мастерских, расположенных внизу, чтобы он соорудил защитный экран, который теперь предотвращал нежелательные вторжения.

Джордж прошел в конец помещения и сел за свой письменный стол, стоящий напротив двери. Он был пуст, так как по неизменной привычке, покидая вечером кабинет, он освобождал его от каждого атома мусора. За столом находился сейф, вмонтированный в стену, и окно, выходявшее на покатоое пространство из стекла и железа – массивную скатную крышу, нависавшую над вокзальными платформами. Из-за близости к поездам в комнате редко царила тишина, даже когда ни на одной из платформ не было локомотива. Под стеклянным козырьком витали и отдавались эхом голоса, а также звучала нескончаемая какофония колоколов, что звонили за 10 минут до отправления поезда и в момент отправления. Звон другого колокола означал, что до прибытия поезда оставалось 10 минут, а повторный – что он подошел к платформе. Этот нескончаемый шум поначалу раздражал Джорджа, однако вскоре он научился не обращать на него внимания.

Справа стоял деревянный комод с бухгалтерскими книгами и канцелярскими принадлежностями, а из большого створчатого окна открывался лучший вид в здании – картина, достойная Брейгеля. На переднем плане грузового двора³ толпились люди и скот, чьи фигуры меркли на фоне мрачного здания работного дома Северного Дублина. За ним виднелось открытое зеленое пространство Феникс-парка, более дикие участки равнин Килдэра и стройная линия волнистых холмов. Напротив этого окна в небольшом камине горел огонь, а рядом стояли высокий табурет и пюпитр, которые обычно занимал его помощник Уильям Чемберлен. Другой мебели, кроме грубой циновки на полу, не было, а голые стены придавали кабинету атмосферу монастырской строгости.

Уильям явился в 10 утра, через час после своего начальника. Это был 18-летний парень, пришедший в компанию в июле прошлого года. Несмотря на то что обязанности клерка сводились в основном к выполнению рутинных административных задач, таких как копирование цифр в официальные бухгалтерские книги, ему часто доверяли довольно крупные суммы наличности. Поначалу Джордж присматривался к своему новому подчиненному в поисках любых признаков того, что он может поддасться искушению, однако вскоре пришел к выводу, что тот надежен и честен.

В обязанности Джорджа Литтла как кассира входили подсчет и учет каждого пенни, полученного в кассах на линии Дублин – Голуэй, а также денег за проезд на судах Королевского канала.

Каждую неделю он должен был представлять отчетность на проверку директорам компании, а по четвергам – готовить еженедельные ведомости на выдачу зарплаты сотне с лишним сотрудников, работавших на Бродстонском вокзале. Дважды в неделю он посещал банк, чтобы сдать выручку, проверить баланс на счетах компании и передать бухгалтерам полученную информацию. Объем работы существенно менялся, поскольку количество поступающей в офис наличности полностью зависело от объема перевозок по железной дороге. Не все пассажиры были людьми: большую часть доходов в течение года компания получала от перевозки скота, и до Джорджа часто доносилось мычание коров, выгружаемых на платформу под окном его кабинета.

Надежды кассира на спокойный четверг были разрушены приходом Уильяма Макколи, одного из носильщиков станции. Каждый день Макколи через определенные промежутки времени приносил в кабинет тяжелые сейфы с деньгами и забирал их после того, как они были опустошены. В тот день, поставив плетеную корзину с первой партией сейфов, он, словно извиняясь, пробормотал, что их оказалось больше чем обычно, и объяснил, что все дело в ярмарке в

---

³ Часть территории железнодорожной станции, имеющая комплекс сооружений и устройств, предназначенных для приема, погрузки, выгрузки, сортировки грузов и их краткосрочного хранения. – *Прим. ред.*

Маллингаре – в последние 2 дня пассажиров было необычайно много. Ежегодная животноводческая ярмарка в Муллингаре, расположенном в пятидесяти милях к западу от Дублина, была крупнейшей в Ирландии и привлекала фермеров, занимающихся разведением овец и крупного рогатого скота, со всей страны. В последние годы она также стала важным местом для продажи лошадей, и ведущие торговцы из Англии теперь преодолевали сотни миль, чтобы попасть на нее, платя за лучших скакунов до 200 фунтов стерлингов.

Когда Джордж Литтл помог Макколи сложить сейфы с деньгами у стены, он со вздохом признал, что, скорее всего, задержится на работе до непривычно позднего времени. Джордж не был обязан работать позже 5 часов вечера, но ему не нравилось оставлять работу незавершенной. Его предшественник на посту кассира, человек по фамилии Ньюджент, не был столь щепетилен, и его бухгалтерия зачастую велась беспорядочно, а потому мистер Литтл был твердо намерен никогда не доводить свою отчетность до подобного состояния, хотя из-за этого ему и приходилось частенько задерживаться.

Джордж положил на стол первый из полученных за день сейфов и открыл его ключом со своей цепочки. Это был ящик размером с докторскую сумку, сделанный из листового железа. Внутри находилось много банкнот и монет, а также служебная записка, в которой было указано, сколько денег в сейфе, какие билеты куплены и на какой станции. Теперь его задача состояла в том, чтобы проверить, совпадают ли фактические суммы наличных с данными в документах, записать поступления в бухгалтерскую книгу, а затем передать документы в бухгалтерию, расположенную внизу, чтобы у них были дубликаты отчетов о выручке за день.

Это в теории. Но на практике все было гораздо сложнее. Компании действительно принадлежала большая часть денег из каждого сейфа, но не все. Пассажиры, садившиеся в поезд на станциях линии Midland Great Western, часто выезжали за пределы Дублина: они могли купить сквозной билет до Белфаста, Уиклоу или даже до Лондона. В этом случае часть стоимости проезда передавалась другой железной дороге или фирме, обслуживающей регулярные паромы через Ирландское море. Эту часть выручки, так называемые избыточные деньги, необходимо было складывать в отдельную стопку и учитывать отдельно, а затем упаковывать и маркировать с указанием названия компании, которая должна была их получить, – это требовало немалых усилий. Пакеты с излишками денег отправлялись в лондонский банк, однако порой они неделями копились в кабинете, в результате чего образовывалась внушительная сумма.

Через час напряженной работы стол Джорджа Литтла был завален кипами денег, чеков и бумаг. Случайному наблюдателю эта картина могла показаться хаотичной, но, если бы его спросили, кассир мог бы точно объяснить, что находится в каждой стопке, откуда взялась каждая бумажка и куда должна была в итоге попасть. Он методично обрабатывал каждый сейф с деньгами. Отсортировав деньги и квитанции, он делал записи в своей бухгалтерской книге, после чего раскладывал купюры по пачкам, а монеты заворачивал в бумажные гильзы, сортируя их по номиналу. Пустой переносной сейф помещался на полку из красного дерева под большим окном справа от него. Время от времени он просил Уильяма отнести какой-нибудь документ вниз, в бухгалтерию, однако подобные заминки в работе были редкостью, и в течение нескольких часов они продолжали работать в тишине.

Где-то в середине дня тишину внезапно нарушил незваный гость – неряшливо одетый мужчина неопределенного возраста с кожаным ранцем. Мистер Литтл подошел к стойке, чтобы разобраться. Мужчина достал из ранца коробку с очками и принялся увлеченно, хотя и бессвязно, расхваливать свой товар – ему удалось вести этот монолог почти без перерыва в течение четверти часа. Джордж попросил торговца уйти, но это не помогло остановить его словоблудие. В отчаянии он согласился примерить несколько пар очков. Театрально щурясь в них, он заявил, что они не так хороши, как его собственные, и твердо сказал, что не будет ничего покупать. В итоге разочарованный торговец был вынужден удалиться. Джордж и Уильям, обра-

довавшись его уходу, посмеялись над прилипчивым посетителем, и Уильям предположил, что он мог быть евреем.

– Да, я думаю, ты прав, Уильям, – сказал мистер Литтл.

Прошел еще час, прежде чем Макколи вернулся в кабинет, чтобы забрать последнюю партию пустых сейфов, которые нужно было вернуть на свои станции к пятичасовому поезду. Уильям оставил их для него, аккуратно сложив на стойке. Увидев, что кассир сгорбился над своей работой, Макколи решил не мешать ему и тихо закрыл дверь перед уходом. Через 20 минут вошел еще один посетитель. Прошло какое-то время, прежде чем Джордж Литтл, оторвавшись от бухгалтерских книг, заметил его у стойки и поспешил узнать, что ему нужно. Оказалось, что это был Уильям Таф, местный строитель, который иногда заглядывал к Джорджу в надежде обналичить чек. Джордж охотно согласился: у него на столе лежали купюры и монеты на сотни фунтов стерлингов, так что никаких проблем с этим не было. Он выдал ему наличными 104 фунта, 5 шиллингов и 3 пенса, подписал чек и выписал квитанцию.

Когда Мистер Таф ушел, Уильям Чемберлен, взглянув на часы, увидел, что было уже пять вечера. Он отложил работу, надел пальто и достал шляпу с полки под окном. Пожелав начальнику доброго вечера, он протиснулся через проем и вышел. Клерки и менеджеры по всему зданию делали то же самое, однако у кассира оставалось много работы. Пройдя за помощником к двери кабинета, он закрыл ее. Это был последний раз, когда Джорджа Литтла видели в живых.

Джордж часто уходил последним, но ему не нравилось оставаться одному в окружении огромного количества денег.

За 10 дней до этого он был поражен внезапным вторжением грубого вида незнакомца в грязной куртке с веревкой в руках, но оказалось, что этот человек просто искал главного инженера, мистера Кэбри, и свернул не туда в лабиринте коридоров. Однако данный инцидент сильно потряс кассира. Он решил, что впредь будет запирается на ключ, когда будет работать один, но с тревогой обнаружил, что его дверь не закрывается изнутри. Так как в кассу можно было попасть из билетного зала, это делало ее легкой мишенью для потенциального грабителя. По настоянию Джорджа дверь была переделана таким образом, чтобы он мог закрыться в кабинете и находиться в относительной безопасности.

Наступала ночь, работы все еще было много. По расчетам Джорджа, на все про все должно было уйти 3–4 часа. Он вернулся к своему столу и сел среди кучи монет и пачек банкнот – целое состояние для большинства дублинцев, более 1500 фунтов стерлингов наличными. Из других помещений здания доносились голоса и другие звуки: очевидно, он был не единственным сотрудником, работавшим допоздна. Поезда будут ходить еще некоторое время, и под огромной стеклянной крышей за его спиной все еще разносились эхом крики носильщиков и паровозные гудки. Джордж поправил калильную сетку газовой лампы⁴ на столе перед собой и взял в руки ручку. Он сказал своей сестре Кейт, что не задержится, однако она знала, что его работа часто бывает непредсказуемой. Она бы не стала беспокоиться.

За железнодорожными офисами присматривала экономка Энн Ганнинг, жившая с мужем и детьми в подвальной квартире. Каждый вечер она обходила здание, чтобы отключить газовое освещение и проверить, достаточно ли хорошо горничная Кэтрин Кэмпбелл вымыла полы и очистила камин. В четверть седьмого она начинала обход с первого этажа. На лестничной площадке Энн встретила клерка из юридического отдела, мистера Торнтон, который неожиданно – и нехотя – вернулся на работу. Он ужинал дома с женой, когда его вызвали в офис, чтобы скопировать какой-то важный документ, который нужно было доставить в парламент следующим утром.

---

⁴ Осветительный прибор, в котором источником света служит сетка, содержащая оксиды редкоземельных металлов, нагреваемая горелкой. – *Прим. ред.*

Миссис Ганнинг поднялась по черной лестнице на второй этаж. Здание было погружено во мрак, однако, свернув в длинный коридор, она заметила пятно света на стене напротив кабинета кассира. Подойдя ближе, она поняла, что причина тому – задержавшийся сотрудник. Миссис Ганнинг была в дружеских отношениях с мистером Литтлом и привыкла видеть его на работе спустя долгое время после ухода всех остальных. Она повернула ручку его двери, но та оказалась заперта. Обычно на этот шум кассир кричал: «Еще не ушел!», однако в этот раз никакой реакции изнутри не последовало. Полагая, что мистер Литтл не желает, чтобы его беспокоили, она оставила его, зажгла свечу и продолжила вечерний обход.

Далекий звон, за которым вскоре последовала громоподобная музыка паровых поршней, дал ей знать, что поезд на Голуэй, отправляющийся в 19:30 – последний за день, – уже в пути. Кассы были закрыты, носильщики и другие работники спешили домой к своим семьям. Платформы постепенно погружались во мрак: освещавшие их лампы гасли одна за другой. Горели лишь три, освещавшие небольшую часть платформы прибытия рядом с Дирекцией. Экономка прошла мимо открытой двери кабинета, где Кэтрин, также жившая в этом здании, разводила огонь. Вспомнив, что ящик для угля в ее собственной спальне пуст, миссис Ганнинг отправилась его пополнить. Закончив работу, она вернулась в подвал, чтобы провести вечер с детьми.

В 9 утра в дверь к Ганнингам постучали. Это был другой клерк из юридического отдела, мистер Лински, который извиняющимся голосом попросил лампу, так как ему нужно кое-что принести из кабинета адвоката на верхнем этаже. Подобные вторжения были обычным делом для человека, живущего на оживленной железнодорожной станции, и миссис Ганнинг не возражала. Как оказалось, самая серьезная неприятность того дня была еще впереди.

По закону железнодорожная компания была обязана предоставлять один поезд в день для тех, кто не мог позволить себе обычную поездку, и цена за билет на него составляла всего пенни за милю.

Таким образом, от Голуэя до Дублина можно было проехать всего за 10 шиллингов и 6 пенсов, однако уровень комфорта полностью соответствовал стоимости. Парламентский поезд, как его называли, состоял исключительно из вагонов третьего класса с жесткими деревянными сиденьями и часто был до ужаса переполнен. Поезд прибывал в Бродстон в полдесятого вечера, и вспыльчивые пассажиры, много часов просидевшие в непроветриваемых и неотапливаемых купе, с шумом высыпали на платформу. После этого начиналась унизительная беготня в поисках одного из немногих свободных экипажей, стоявших у вокзала, в то время как из поезда выгружали чемоданы и сундуки, которые затем – за неимением носильщиков – перетаскивались по темной платформе.

В тот четверг вечерний парламентский поезд опоздал на полчаса. Задержка была особенно нежелательна для начальника станции Патрика Хэнбери, который с полшестого утра лично контролировал каждое прибытие и отправление: будь то люди, товары или скот. Если бы ему повезло, он смог бы поспать 6 часов до утреннего почтового поезда, однако он не мог даже думать об этом, пока последний пассажир не покинет станцию. Наконец вокзал затих, и измученный начальник станции смог выполнить свое последнее задание. Взяв в руки большую связку ключей, он прошел по обеим платформам и запер залы ожидания, отдельные туалеты для пассажиров первого, второго и третьего классов, а также комнату носильщиков. Направляясь к манящему теплу Дирекции, мистер Хэнбери прошел мимо ночного сторожа Джона Кинга. Несколько газовых фонарей еще горели в служебных помещениях наверху, но скоро и они должны были потухнуть, оставив хранителя Бродстонского вокзала в одиночестве.

Генри Бозир, управляющий компании Midland Great Western Railway, сидел в своем просторном кабинете на первом этаже Дирекции. Был полдень пятницы, и он уже начал подумывать об обеде, когда в дверях появился Беннетт, его помощник, чтобы сообщить, что что-то не

так. Каждую пятницу утром мистер Бозир подписывал несколько чеков, которые затем отправлялись в кассу и добавлялись к стопке денег, которые следовало отнести в банк во второй половине дня. В этот раз Беннетт отнес чеки наверх, но, к своему удивлению, обнаружил, что кабинет заперт и мистера Литтла нигде нет. Управляющий согласился с тем, что это странно, и послал одного из младших сотрудников, юношу по фамилии Мейджи, разузнать о кассире у него дома на юге Дублина, в трех милях от станции.

Вскоре ситуация стала еще более загадочной. Через полчаса в дверь постучал помощник управляющего и сообщил, что его желает видеть какая-то дама. Принятая им женщина, миссис Мортон, была лет тридцати, элегантно одета и говорила очень грамотно, что указывало на ее привилегированное происхождение. Она выглядела встревоженной и нервно вертелась, объясняя, что является сестрой Джорджа Литтла, кассира. Бозир хорошо знал его: Джордж пришел в компанию в качестве его личного помощника три года назад, и управляющий быстро оценил его спокойную целеустремленность и бесхитростную, непритязательную манеру поведения. Кейт Мортон сообщила, что накануне вечером ее брат не вернулся домой. Она очень переживала и боялась, что он серьезно заболел или на него напали по пути домой.

Ответ мистера Бозира оказался совсем не таким, как она ожидала. Он заволновался и заговорил о том, чтобы вызвать полицию, словно предполагал, будто Джордж мог скрыться с недельной выручкой. Кейт была оскорблена подобными подозрениями в адрес ее брата и попросила мистера Бозира не предпринимать подобных действий. Вскоре она ушла, сказав, что намерена проверить, не остался ли Джордж на ночь у родственника, живущего неподалеку. Кейт попросила его ничего не делать до ее возвращения, однако управляющий решил, что лучше сразу навести справки. Служащие железной дороги нередко опаздывали на работу после ночной попойки или азартных игр, но он достаточно хорошо знал Джорджа Литтла, чтобы быть уверенным, что подобное не в его стиле. И уж совсем немыслимо, чтобы такой добросовестный человек намеренно уходил на ночь из дома, не поставив в известность семью.

Поднявшись по парадной лестнице на второй этаж, мистер Бозир обнаружил Уильяма Чемберлена, бездельничающего в коридоре у кабинета кассира. На вопрос, почему он не работает, клерк ответил, что кабинет заперт; он попросил экономку впустить его, но она сказала, что единственный ключ находится у мистера Литтла. Бозир дернул за ручку, чтобы убедиться, что дверь заперта, и, наклонившись, заглянул в замочную скважину. Смотреть между тем было не на что: металлическая крышка с другой стороны двери полностью закрывала обзор.

Ужасные мысли пронеслись в голове мистера Бозира. Возможно, Джордж перенес инсульт или сердечный приступ и сидел, скорчившись, за своим столом в нескольких метрах от него, мертвый или умирающий. Но если он был еще жив, им требовалось сделать все возможное, чтобы помочь ему – нельзя было терять ни минуты. Только мистер Бозир решил, что придется ломать дверь, как из кабинета напротив появился посыльный Томас Мур. Управляющий велел ему сбегать вниз, в каретную мастерскую, и попросить мистера Брофи, мастера, чтобы тот срочно прислал на второй этаж плотника, который помог бы им проникнуть в кабинет. Мальчик внимательно выслушал его, а затем сказал мистеру Бозире, что знает, как попасть в кабинет мистера Литтла. На черной лестнице было окно, через которое можно выбраться на крышу вокзала, а уже оттуда можно без труда попасть в кабинет через одно из боковых окон. Управляющий согласился с этим планом, но при условии, что он сначала вызовет плотника.

Через несколько минут Бозир и Уильям услышали шум с другой стороны запертой двери. Томасу удалось выбраться на крышу, однако никак не получалось открыть окно снаружи. Он кричал, что ему не хватает сил поднять тяжелую створку. Вскоре на помощь пришел мускулистый Джеймс Брофи с инструментами. Строитель и столяр по профессии, Брофи без труда забрался на крышу и уже через мгновение оказался у окна кабинета мистера Литтла. Жалюзи были опущены, и единственная новость, которую он мог передать небольшой толпе, с тревогой ожидавшей в коридоре, заключалась в том, что газовая лампа все еще горела.

В это время вернулся с обеда руководитель инженерного отдела Патрик Моан. Он был удивлен, что в коридоре у кабинета кассира стоит так много людей. Не успел он спросить, в чем дело, как мистер Бозир дал ему указание:

– Моан, беги к врачу. Тут что-то не так.

Моан поспешил выполнить поручение, а управляющий компании крикнул Брофи, чтобы тот как можно быстрее и любыми способами проник в помещение. Брофи попробовал открыть окно, но у него не вышло. Присмотревшись внимательнее, он заметил, что ему мешает гвоздь, наспех вбитый в нижнюю створку. Одного сильного рывка оказалось достаточно, чтобы выбить его, и вскоре с другой стороны двери послышался протестующий визг деформированной оконной рамы. Брофи легко забрался внутрь, а затем издал непроизвольный крик ужаса.

– Он здесь, лежит мертвый! – закричал он. – А ключа в двери нет.

– Быстро! – сказал мистер Бозир. – Ломайте дверь!

С нарастающим чувством паники те, кто находился в коридоре, а их было уже пять или шесть человек, пытались выбить дверь. Брофи в это время атаковал замок стамеской. Когда тот наконец поддался, Бозир во главе группы вошел в кабинет кассира. Брофи посмотрел на него и, не говоря ни слова, повернул голову в сторону окна, через которое вошел. Бозир проследил за его взглядом: газовая лампа, еще горевшая среди бела дня, стол с аккуратной стопкой бумаг и монет, а за ним на полу – неподвижная человеческая фигура.

Джордж Литтл лежал на спине, упираясь правой щекой в доски пола, со стеклянным взглядом. Его шея была изуродована зияющей раной, а вокруг была кровь, много крови, больше, чем Генри Бозир когда-либо видел.

2

Пятница, 14 ноября

Тем, кто сделал это ужасное открытие, показалось, что Джордж Литтл покончил с собой. Дверь в его кабинет была заперта, по всей видимости, изнутри; окна заколочены, жалюзи опущены. Ничто не указывало на присутствие постороннего, не было никаких признаков взлома или борьбы. На столе кассира был безупречный порядок, словно он только что расставил все необходимое для работы. Единственным признаком того, что что-то не так, было небольшое пятно крови на бюваре. Судя по положению тела Джорджа, он сидел в кресле, когда перерезал себе горло. На столе лежал канцелярский нож, а на полу рядом с его рукой – полотенце, залепанное кровью, как будто в последние секунды жизни он предпринимал отчаянную попытку исправить свою ошибку.

Созерцая эту ужасную картину, Генри Бозир вдруг осознал, что позади него столпились прочие сотрудники вокзала. Оглянувшись, он заметил, что в комнату вошел помощник Джорджа Литтла, Уильям. Инстинктивно мистер Бозир отодвинулся в сторону, чтобы загородить юноше обзор, взял его за локоть и мягко направил в коридор, стараясь оградить Уильяма от этой страшной сцены. Затем он вернулся в толпу, чтобы взять ситуацию в свои руки.

По крайней мере, за врачом он уже послал. Очевидно, что кассир был мертв уже несколько часов, но нужно было получить свидетельство о смерти и экспертное заключение о его травмах. Следующим приоритетом была охрана денег, которые лежали кучами по всему кабинету. Мистер Бозир попросил Арчибальда Мура, работавшего в кабинете напротив, собрать и пересчитать деньги, а затем убрать их в сейф за столом Джорджа Литтла. Сейф был открыт, ключ находился внутри. Мур справился с заданием, но его поведение выдавало его истинное душевное состояние. Его руки тряслись, когда он перебирал кипы банкнот и чеков, и он старательно избегал смотреть в угол, где лежало изуродованное тело его друга и коллеги.

Мистер Бозир помогал Джеймсу Брофи с поисками пропавшего ключа от двери. На столе его не оказалось, а в ящиках нашлись только маленький перочинный нож и ножницы. Брофи также безуспешно проверил большой деревянный комод. Исчезновение ключа казалось необъяснимым, пока одному из них не пришло в голову, что он мог быть в кармане у мистера Литтла. На этом поиски были прекращены, поскольку мистер Бозир распорядился, чтобы никто не прикасался к телу до тех пор, пока его не осмотрит врач.

Найти врача между тем оказалось непросто. Патрик Моан послал мальчишку за доктором Келли, чья клиника находилась в нескольких минутах ходьбы от Фибсборо-роуд, но тот быстро вернулся, сказав, что доктора нет на месте. Один из носильщиков порекомендовал доктора Холмса на Дорсет-стрит, но и тот оказался недоступен. Тогда Моан попробовал обратиться к доктору О#Рейли на Доминик-стрит. Там никто не открыл, а в аптеке на Кейпл-стрит парнишка за прилавком сказал, что доктор пошел обходить пациентов. Так как других вариантов поблизости не было, Моан решил бежать назад на станцию за дальнейшими распоряжениями. Не успел он отойти далеко, как столкнулся с Майклом Лински из адвокатской конторы.

– Моан, вы слышали? – сказал Лински. – Бедняга Литтл мертв, у него перерезано горло.
– Боже мой!

Полагая, что время для оказания медицинской помощи прошло, Моан прекратил бежать и прошел остаток пути до станции обычным шагом. Его возвращение не вызвало особого энтузиазма. Главный инженер Джозеф Кэбри спросил его, когда придет врач, и обругал Моана, узнав, что тот не нашел специалиста. Тогда клерк снова вышел на улицу, на этот раз в сопровождении Беннета из секретариата. Они запрыгнули в экипаж и отправились на поиски врача в северной части Дублина, посетив еще четыре места, прежде чем им удалось застать кого-то

дома – это был врач общей практики по фамилии Баркер, который сразу же согласился поехать с ними.

Когда они добрались до Бродстонского вокзала, было чуть больше двух часов дня, и на станции царил суматоха. Весть о смерти на территории станции быстро разносилась по всем отделам компании, и десятки железнодорожников, движимые скорее болезненным любопытством, чем сочувствием к покойному коллеге, воспользовались обеденным перерывом, чтобы поглазеть на происходящее. Моан и доктор Баркер пробились через толпу на лестницу и стали искать мистера Бозира. В конце концов они обнаружили управляющего компании в конце коридора на другой стороне лестничной площадки, куда он, очевидно, удалился в поисках уединения. Он был занят беседой с двумя мужчинами лет сорока, одетыми, как и он, в сюртуки. Судя по всему, это были какие-то профессиональные работники, возможно, юристы или банкиры, и хотя доктору Баркеру не было слышно их беседы, шок и страдание на их лицах говорили сами за себя. Мистер Бозир попрощался с каждым из них, сочувственно пожав руку, и подошел поприветствовать доктора.

Он сообщил, что это были два друга Джорджа Литтла. Узнав от Кейт о его исчезновении, они сразу же приехали на станцию, остановившись лишь для того, чтобы заехать за знакомым врачом на случай, если кассир приболел. Мистер Бозир едва успел перехватить их на пороге залитой кровью конторы, чтобы помешать им увидеть зрелище, которое они вряд ли смогли бы забыть. Он рассказал им о предполагаемом самоубийстве кассира, сообщив ровно столько неприятных подробностей, сколько посчитал нужным для того, чтобы быть с ними полностью честным. Доктор все еще находился в кабинете, осматривая тело, а двое других уже направлялись в дом Литтлов на Ватерлоо-роуд, вызвавшись сообщить новость матери и сестре Джорджа.

Мистер Бозир провел доктора Баркера в кабинет кассира. Многие из наблюдавших вдруг вспомнили о своих неотложных делах в других местах, поняв по хмурому выражению лица управляющего компании, что их присутствие нежелательно. Мур собрал все наличные деньги, запер их в сейф и теперь собирал в пачку чеки и квитанции. Доктор Баркер проскочил через калитку и бесстрастно осмотрел помещение. На первый взгляд, в комнате царил порядок: стол был освобожден от бумаг и убран. Только вот в открытое окно задувал холодный ветер, а на коврике под столом расплылось огромное и уродливое пятно. По краям кровь высохла до грязно-коричневого цвета, однако местами была ярче и еще слегка влажной, словно лужа недавно пролитого вина. В центре этого засохшего озера лежал на спине мертвый мужчина, правая рука которого была подложена под спину, а левая – вытянута вперед, словно он к чему-то тянулся.

Еще один человек склонился над телом, внимательно осматривая его. Доктор Баркер узнал в нем доктора Венсли Дженнингса, одного из молодых врачей, практиковавших в этом районе. Доктор Дженнингс осторожно приподнял одно из плеч мертвеца, чтобы лучше рассмотреть лицо.

– Горло перерезано, – сказал он, подавившись словами.

С лица доктора Дженнингса исчезла вся краска. Он выглядел глубоко потрясенным. Немного придя в себя, он объяснил своему коллеге, что является родственником Джорджа Литтла и приехал на станцию, думая, что кассир заболел. Он никак не ожидал обнаружить своего родственника мертвым, тем более при таких ужасных обстоятельствах. Пробормотав извинения, доктор Дженнингс удалился, оставив доктора Баркера для проведения собственного обследования.

Врач понимал, что его присутствие было формальностью. Он мог подписать свидетельство о смерти только в том случае, если кассир умер от естественных причин, а в этой смерти, очевидно, не было ничего естественного. Он сразу увидел, что рана на шее Джорджа Литтла была достаточно большой, чтобы убить любого в считанные минуты. Тем не менее приличия нужно было соблюсти, поэтому он, как полагается, достал стетоскоп и в мрачной тишине в

течение минуты слушал грудь покойника, прежде чем констатировать, что жизнь в нем действительно угасла. С неохотной помощью Арчибальда Мура он вернул тело в исходное положение. Закончив осмотр, врач вернулся в коридор, где его ждал мистер Бозир, и озвучил свое заключение:

– Боюсь, я не скажу вам чего-то нового. У него перерезано горло, и я подозреваю, что это сделал он сам. Разумеется, необходимо провести коронерский суд. Вам лучше связаться с полицией на Фредерик-стрит и послать кого-нибудь за коронером.

Мистер Бозир вызвал Моана, который ждал неподалеку, и велел ему отвезти доктора Баркера домой в экипаже, а затем отправиться в полицейский участок и сообщить о случившемся.

Суд! Это была плохая новость, но мистер Бозир ожидал ее. Коронерский суд подразумевал публичные слушания на территории железной дороги, журналистов и много нежелательной огласки. Тем не менее была пятница, вторая половина дня. Если ему удастся убедить коронера собрать присяжных прямо сейчас, то они смогут рассмотреть дело до выходных. Вердикт, несомненно, будет простым: кассир покончил с собой в результате временного помешательства. Самоубийство все еще носило оттенок чего-то противозаконного, и на практике присяжные обычно оправдывали погибшего, тем самым избавляя семью от страданий из-за сомнений в его психическом состоянии⁵. Если повезет, рассуждал мистер Бозир, они смогут покончить с этим делом до того, как о нем узнают газеты.

Но ему не повезло. Через несколько часов дублинская газета Evening Freeman опубликовала короткую, но сенсационную заметку:

«СУИЦИД ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО КАССИРА

Мы с сожалением вынуждены констатировать, что мистер Литтл, кассир железной дороги Midland Great Western (Ирландия), покончил жизнь самоубийством сегодня в своем кабинете на Бродстонском вокзале, перерезав себе горло бритвой. В час, когда наличные деньги забирали, чтобы сдать их в банк, уполномоченный сотрудник обнаружил, что дверь кабинета кассира заперта; когда дверь была взломана, несчастный джентльмен был найден мертвым. Его горло было буквально перерезано от края до края. Причина этого страшного самоубийства, разумеется, пока не известна, хотя в связи с участвовавшими в последнее время случаями хищения денег на железной дороге на этот счет возникают различные предположения».

У газеты наверняка был информатор непосредственно на станции, поскольку эта заметка была напечатана еще до того, как коронер или полиция посетили участок. Причем, как намекает Evening Freeman, не только непосредственные обстоятельства смерти Джорджа наводили на мысль о самоубийстве.

Что подразумевалось под фразой «в связи с участвовавшими в последнее время случаями хищения денег на железной дороге»? Предыдущее десятилетие ознаменовалось эпидемией корпоративного мошенничества, а 1856 год стал золотым веком аферистов. В феврале этого года на Хэмпстедской пустоши в Лондоне был найден мертвым известный ирландский финансист Джон Сэдлир. Он принял цианид, и вскоре выяснилось, что его долги превысили в общей сложности миллион фунтов стерлингов. Для финансирования ряда необдуманных спекуляций он присвоил себе средства многочисленных компаний, с которыми был связан.

---

⁵ Вероятно, выражение «присяжные обычно оправдывали погибшего» относится к особенностям британской судебной системы, поскольку в российском праве человек, добровольно ушедший из жизни, не может быть обвиняемым в своей собственной смерти. Да, расследование обстоятельств гибели безусловно будет. Поскольку нужно точно установить, что это именно самоубийство, а не убийство. И что человек сам ушел из жизни, а не его кто-то довел до самоубийства. Но самого погибшего у нас не судят. – Прим. Алёны Ленковской.

Будучи председателем правления Королевской шведской железнодорожной компании, он подделал тысячи сертификатов акций; кроме того, у него образовался колоссальный овердрафт в Акционерном банке Типперэри – семейном предприятии, основанном его дедом. Неизбежный крах банка вызвал национальный скандал в Ирландии, поскольку многие его жертвы были представителями сельского рабочего класса, пережившими Великий голод и теперь потерявшими все во второй раз.

Между тем не только начальство занималось махинациями с бухгалтерией. Всего за две недели до смерти Джорджа Литтла клерк лондонской компании Crystal Palace Company был осужден за подлог и приговорен к ссылке в Австралию.

За два с небольшим года Уильям Робсон выманил у своих работодателей более 30 тысяч фунтов стерлингов, используя эти деньги для финансирования экстравагантного образа жизни, включавшего скачки, изысканную одежду и вино, а также проживание двух любовниц в двух весьма роскошных апартаментах. До того как Робсон начал свою преступную деятельность, он работал в компании Great Northern Railway Company, где по странному стечению обстоятельств трудился и другой мошенник – еще более бессовестный, чем он сам.

Леопольд Редпат работал в бухгалтерии Great Northern Railway Company, отвечая за учет акционеров компании и количество принадлежащих им акций. Вскоре после назначения он начал подделывать документы, создавать несуществующие акции и продавать их с выгодой для себя. Благодаря этому позже он приобрел солидный дом рядом с Риджентс-парком и загородное поместье в Суррее с собственным озером для рыбалки и более чем десятком слуг. В отличие от беспутного Робсона, Редпат выглядел столпом общества, щедрым меценатом и попечителем нескольких благотворительных организаций. Некоторые резонно удивлялись, как чиновник среднего звена железнодорожной компании может позволить себе жить в подобном стиле, однако учтивый Редпат дал понять, что он заработал состояние на спекуляциях в Сити. На самом же деле он присвоил себе более 250 тысяч фунтов стерлингов, что сегодня эквивалентно примерно 27 миллионам фунтов стерлингов.

Что особенно важно, новость о гигантской афере Леопольда Редпата появилась в тот же день, когда было обнаружено тело Джорджа Литтла. Узнав о предполагаемом самоубийстве кассира, читатели пятничной газеты Evening Freeman увидели на следующей странице репортаж под заголовком «Серьезные махинации в Great Northern Railway Company». Три самых громких случая мошенничества в корпоративной истории произошли один за другим, и все они были совершены лицами, тесно связанными с железными дорогами. Теперь же Джордж Литтл, сотрудник железнодорожной компании, которому регулярно доверяли тысячи фунтов стерлингов наличными, был найден мертвым. Запросто можно было предположить – что многие и сделали, – что его поймали за руку и он решил покончить с жизнью, чтобы не разгребать последствия.

Но были и причины сомневаться в версии о самоубийстве. Где, например, находился ключ от его кабинета? Если он заперся, как казалось вначале, то ключ должен был находиться где-то в помещении, однако при тщательном обыске найти его не удалось. Что касается раны на горле, то она, очевидно, была нанесена каким-то ужасающе острым лезвием, однако рядом с телом были найдены лишь тупые ножницы, маленький канцелярский нож и еще более маленький перочинный. Могло ли что-то из этого быть орудием его убийства? Эти вопросы предстояло рассмотреть присяжным, прежде чем вынести вердикт.

Был поздний вечер, когда Джон Эллиотт Хайндман, коронер города Дублина, в сопровождении своего помощника прибыл на Бродстонский вокзал.

Как и большинство коронеров того времени, он был выборным должностным лицом и не обладал особыми знаниями в области медицины

или юриспруденции; для работы необходимо было лишь являться мужчиной, владеть собственностью и иметь доход более 50 фунтов стерлингов в год.

Мистер Хайндман был архетипической фигурой истеблишмента, бывшим верховным шерифом Дублина и главой местной масонской ложи. Кроме того, он был одним из последних и крупнейших рабовладельцев Ирландии, наследником семейного состояния, построенного на неоплачиваемом труде нескольких поколений чернокожих африканцев. Седовласый мужчина лет шестидесяти, мистер Хайндман был известен своими отточенными манерами и энергичной работоспособностью, хотя и не забывал заботиться и о своих собственных интересах.

Мистер Бозир встретился с коронером внизу, в большом зале. Они часто виделись, однако никогда прежде – при столь мрачных обстоятельствах. Мистер Бозир вкратце рассказал о событиях, произошедших в тот день, а затем повел мистера Хайндмана осматривать кабинет кассира. Сплетни, разносившиеся по городу, словно передаваемая по воздуху зараза, донесли весть о смерти до обоих берегов Лиффи, и любопытные посетители стали прибывать, надеясь увидеть труп. Впрочем, осуществить планы им было не суждено, так как вход в коридор преграждал крупный и недружелюбный полицейский. Заметив коронера, констебль отошел в сторону, прикоснувшись к шлему в знак приветствия, когда тот проходил мимо него.

Еще трое офицеров работали в комнате, тщательно осматривая тело, мебель, пол и окна. Большая часть этой кропотливой работы была совершенно бессмысленной, так как шансы узнать что-то новое или полезное теперь были невелики.

За 5 часов, прошедших с момента обнаружения тела, небольшая армия посетителей перевернула кабинет вверх дном.

Каждый движимый предмет был поднят, убран или унесен, каждый шкаф и ящик опустошен как минимум тремя парами рук. Циновка на полу была измазана грязью, сажей и опилками, которые натаскали из мастерских внизу – неразборчивая смесь старых и новых следов от обуви. Если на месте смерти Джорджа Литгла и были какие-то криминалистические зацепки, то они уже давно исчезли. При обыске одежды кассира было найдено несколько личных вещей, однако ни одна из них не оказалась примечательной. Констебли формально изучали старую и довольно кривую кочергу, которую один из них нашел возле камина. При виде вошедшего коронера они прервали свой разговор, и старший офицер провел его по комнате. Помощник коронера делал записи, а его начальник внимательно слушал рассказ полицейского. Говорить тут, равно как и осматривать, было особо нечего.

Мистер Хайндман простоял рядом с телом Джорджа Литгла дольше всех, резко вдохнув, когда увидел мерзкий разрез, рассекавший горло от края до края. По его просьбе констебли перевернули труп, и с громким «спасибо» он вернулся в коридор к ожидавшему его Генри Бозиру. Секретарь уже высказал свое пожелание о скорейшем проведении коронерского суда и решил повторить просьбу, однако коронер прервал его. «Об этом не может быть и речи», – сказал он. Для того чтобы собрать присяжных, нужно послать полицейских на поиски двенадцати местных жителей с хорошей репутацией и потребовать, чтобы они бросили все дела и прибыли на станцию. Вряд ли это было разумно в столь поздний час; в любом случае уже почти стемнело, а дневной свет необходим присяжным, чтобы как следует осмотреть тело⁶.

Мистер Хайндман понимал, что скорость была крайне важна не в последнюю очередь потому, что останки Джорджа Литгла можно было перенести или подготовить к захоронению только после окончания коронерского суда. Следующим днем была суббота, и коронер должен был провести свои слушания в течение сорока восьми часов после получения извещения о скоростной смерти, однако в воскресенье проводить какие-либо судебные заседания запрещено. Поэтому решение было простым: коронерский суд должен был состояться на сле-

---

⁶ В России присяжные не участвуют в осмотре тела и подобных следственных действиях. – Прим. Алёны Ленковской.

дующий день, в полдень. Мистер Хайндман уже составил мысленный список задач, который теперь с некоторой срочностью передавал своему помощнику. Ему нужно было узнать имена всех, кто заходил в кабинет кассира в последний день, когда его видели живым; всех, кто жил в этом здании или приходил туда на ночь; всех, кто присутствовал при взломе двери и обнаружении тела. Если они располагали какой-либо полезной информацией, то под страхом уголовного преследования должны быть вызваны для дачи показаний. Коронеру также потребовались два хирурга для проведения профессионального вскрытия трупа и определения причины смерти. Затем, разумеется, необходимо было найти присяжных и достаточно просторную комнату, чтобы вместить всех желающих. Помощник записал все эти требования и поспешил приступить к работе. Ночь предстояла долгая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.